

Посвящается светлой памяти архимандрита Тавриона (Батозского)

Вымыслы человеческие ненавижу,
а закон Твой люблю.

Пс 119(118):113

Все повеления Твои – все признаю справедливыми,
Всякий путь лжи ненавижу.

Пс 119(118):128

Ненавижу ложь и гнушаюсь ею;
Закон же Твой люблю.

Пс 119(118):163

Чашу спасения прииму...

А.В.Белинский

Некоторое время назад передо мною остро встал вопрос о том, насколько часто следует приступать к Святой Чаше и можно ли за литургией не причащаться. Настоятель прихода, к которому я полагаю себя принадлежащим, не благословляет причастия чаще, чем раз в неделю, ссылаясь на московскую традицию. Но не препятствует ли установление человеческого заповеди Божией: “сие творите в Мое воспоминание” (Лк 22:19), призывающей *всех* на трапезу Господню?

Из литургии: “...нас же всех от единого Хлеба и Чаши приобщающихся, соедини друг ко другу во единого Духа причастие.”

“Приимите, ядите, сие есть Тело Мое... пиите от нея вси...”

“Со страхом Божиим, и верою, и любовью приступите!”

“Тело Христово приимите...”

“Вкусите, и видите яко благ Господь!”

Какое сердце может устоять после таких призывов соединиться с Богом?

Молитва Спасителю, читаемая в самом конце Литургии, перед тем как задергивается завеса: “И сподоби державною Твоею рукою преподати нам Пречистое Тело Твое и Честную Кровь Твою, и нами всем людям”.

Иоанн 6:53 “Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни;”.

Из последования ко святому причащению: “Мне же благо соединиться с Богом, полагать на Господа упование в спасении моем”.

“Недостойн я, Владыко Господи, чтобы Ты вошел под кров души моя; но дерзая, приступаю, ибо хочешь Ты, Человеколюбец, жить во мне; повелеваешь, да отверзу двери, Тобою одним созданные, и входишь с человеколюбием Своим”.

[1], **правило 8:** “Аще епископ, или пресвитер, или диякон, или кто либо из священного списка, при совершении приношения, не причастится: да представит причину, и аще есть благословна, да будет извинен. Аще же не представит: да будет отлучен от общения церковнаго, яко соделавшийся

виною вреда народу, и на совершавшаго приношение наведший подозрение, акибы неправильно совершал.”

[1], правило 9: “Всех верных входящих в церковь, и писание слушающих, но не пребывающих на молитве и святом причащении до конца, яко безчиние в церви производящих, отлучати подобает от общения церковнаго”.

В конце книги правил [1] в алфавитном указателе в разделе “Причащение, евхаристия” читаем: “Священнослужители, при совершении приношения не причащающиеся без благословной причины, отлучаются. Верные не пребывающие в церкви на молитве до конца, и отвращающиеся от святого причащения отлучаются”.

1Кор 11:25 [2] “Точно так же Он взял чашу после ужина и сказал: “Эта чаша – Новый договор с Богом, скрепленный Моей кровью. Каждый раз, когда будете пить из нее, делайте это в память обо Мне”.

[3], с.31: “... все присутствующие без исключения (под опасением отлучения от церкви, если бы кто из них отрекся), при пении стиха: *вкусите и видите, яко благ Господь*, причащались Тела и Крови Христовой с великим благоговением;...”.

[3], с.32: “Не оставляемы были без причащения и отсутствовавшие за важными причинами, как то: болящие, в темнице заключенные ради имени Христова, и прочие; но все получали Евхаристию через диаконов”.

[3], с.291: “В первенствующей Церкви все присутствующие при Литургии должны были по Апостольскому чиноположению, непременно причащаться Тела и Крови Господней. Правило девятое Святых Апостолов повелевает “Всех верных, входящих во Святую Божию Церковь и священные писания послушающих, не пребывающих же в молитве и *святом Причастии*, яко безчиние творящих, отлучити должно”. Тоже подтверждает и Собор Антиохийский (правило 2 Собора Антиохийского: “Всех входящих в Церковь и Священное Писание послушающих, *неприобщающихся же* молитве купно с людьми или отвращающихся Св. *Причастия Евхаристии*, по некоторому безчинию: сим отверженным быть от Церкви, донележе исповедающесе, и показавшие плоды покаяния и умоливше, получить возмогут прощение”); да и самые молитвы ектении, песни и прочие обряды, как древних служб, так и ныне священнодействуемой литургии показывают, что она установлена и совершается только для того, чтобы предложенные дары освятить в Тело и Кровь Господню и причастить оными предстоящих.

Сие святое обыкновение продолжалось в первые веки без нарушения; но далее горячность и в Христианах начала охладевать; многие стали только приходить в Церковь, слушать богослужение, но не хотели каждый раз приобщаться. Против такового повреждения Святой Златоуст сильно вооружался, поставляя дело сие нечестивым и недостойным Христианина; на что он жалуясь, сетуя и укоряя таковых, восклицает так: “Оле обычая! Оле предприятия (*дерзости*)! Туне жертва повседневная, туне предстоим жертвеннику; *никтоже есть причащайся!* Неси ли достоин жертвы, ниже *причащения?*” (Сие было их, равно как и нынешних христиан есть общее

извинение); “Убо ни молитвы. Слышиши стоящего Проповедника (Диакона): чего убо ради глаголет? Отыдите не могущие молиться! Ты же ли стоиши безстыдно? Но ты носи от сих, а от могущих причаститися. И тако ли ничесоже печешися? Тако ли за ничто вменяеши вещь? – Всяк, непричащаяся Тайнам, безстыден есть, и срамно стоящ. Ты пришел еси, песнь воспел со всеми, исповедал себя быти из числа достойных, поколику с недостойными не ишел еси; как убо пребыв, *и не причащаешися трапезы?* Недостоин есмь, глаголеши; так (недостойн) ты и общения (молитв); не только бо чрез предлежащая (Тайны), но и чрез песни возглашаемые Дух отсюду снисходит (подавается). Почему недостойнаго недостойны суть и очеса зрений сих, недостойны и слухи его”. (В Бесед. 3 на Посл. к Ефес.)

Но сколько ни велика была ревность по благочестии сего Учителя, сколь ни убедительно было слово его (в Предисловии на избранные слова), однако не мог он исправить нравов. В последствие порча усилилась еще более, и Пастыри Церкви должны были сделать снисхождение сей слабости человеческой, и дать позволение при совершении литургии предстоять, по примеру кающихся, именуемых *стоящими с верными ...*

Августин в Послан. 118 к Иоанну гл.3: Если кто речет, что *не всякий день воспринимать надлежит Евхаристию*; то спросиши: для чего? Повеже (скажет он) надобно избирать дни, в которые человек чище и воздержаннее живет, дабы достойно мог приступить к таковому Таинству. Ибо *ядый недостойне, суд себе яст и пьет*. Но другой вопреки глаголет: так если толикое наказание греха и лютость болезни, что и таковые врачевства должны быть оставлены: (в таком случае) всяк властью Священноначальника от Алтаря должен быть удален, ко исправлению покаяния, и тою же властью разрешен. Ибо сие-то и есть недостойно принимать, если в то время восприимет, когда должен бы находиться в покаянии: а не по своему мнению, когда себя удержат от причастия, когда приступить. Впрочем, если грехи не суть таковы, за которые бы человек подлежал отлучению от приобщения, *не должен себя удалять от повседневного врачевания Господня Тела*. Но справедливее между таковыми, может быть, прекратит словопрение тот, кто увещает обоих, *пребывать в мире Христове, да творит же каждый то, что по вере своей благочестиво творить признает должным*. Ибо ни который из них Тела и Крови Господней не безчествует, когда один перед другим спасительнейшее Таинство ревностно они почитать стремятся. Не прекословили между собою и противоплавали себя один другому Закхей (Лк 19:2-6) и оный Сотник (Мф 8:6-8), когда первый из них, *радуясь принял Господа* в дом свой; а второй изрек: *несмь достоин, да внидеши под кров мой*. Оба, почитая Спасителя различным и как бы противоположным образом оба во грехах бедствовали: оба милосердие получили. Приличествует также к сему уподоблению и манна (Прем 16:20-21), которая в первом (ветхозаветном) народе каждому по его хотению во устах чувствуема была: так во устах каждого христианина Таинство оное, когда приемлется, рассуждаемо быть должно. Ибо и оный (первый) благоговя не дерзает

воспринимать каждый день; и тот (второй) из почитания не смеет ни на один день оставить”.

Ос 4:4 “Но никто не спорь,
никто не обличай другого;
и твой народ – как спорящие со священником”

И все же опыт Закхея и Сотника (или Центуриона у евангелиста Луки) представляется неравноценным. Да, Сотник, посчитавший себя недостойным принять у себя в доме Иисуса, получил просимое – исцеление слуги. Господь похвалил и его веру, давая понять, что благодаря ей он возляжет в Царствии Небесном. Но вера ведь не самоцель, а средство: “...и бесы веруют, и трепещут” (Иак 2:19). Святой апостол Павел пишет Филемону (стих 6): “Я молюсь, чтобы твоя вера, общая для всех нас привела к постижению того блага, что есть у нас благодаря единению с Христом”. Таким образом, вера, если она действительно правая вера, ведет к единению с Христом, и отказ от причастия противоречит такой вере.

С другой стороны, Закхей, будучи недостойным и сознавая это, все же принял Иисуса, и после раскаяния услышал: “Сегодня пришло спасение в этот дом” (Лк 19:9). Итак, спасения удостоился не только сам Закхей, но и его близкие. Обдумывая эти события, становится ясным, что отказ от причащения по причине своего недостойнства имеет основания, если причащаться *для себя*. Тогда, действительно это может показаться справедливым. Но, если вы любите Иисуса (“не отрекаются любя!”), хотите за Ним следовать, быть частью Его Тела и иметь в жилах Его Кровь для того, чтобы послужить Ему и окружающим, все меняется. Ведь вы лишаете Христа в себе не только *себя*, но и *своих близких*, т.е. наказываете *их* – невиновных в вашем недостойнстве. Если в вас не действует Христос, то страдаете не только вы, но и окружающие.

Сотник приходит ко Христу с конкретным делом: исцелением слуги и получает просимое. Закхей же хочет увидеть Самого Христа, стремится к Нему, и Иисус приходит к Закхею. Итак, если хочешь быть со Христом, следуй по пути Закхея!

В Евангелии есть еще два эпизода, где акцент делается на недостойнстве. Просьба Петра: “Выйди от меня Господи! Потому что я человек грешный” (Лк 5:8). Но Иисус говорит ему: “Не бойся...” (Лк 5:10). Не следует ли эти же слова отнести и к колеблющимся: приступать ли к Чаше?

И второй эпизод – приказ Царя выбросить с пира имеющего небрачную одежду (Мф 22:11-13). Но это, опять таки, воля Бога, а не человека – он же не сам себя выбросил. Упрек Царя, ведь, прежде всего, адресован отказавшимся участвовать в брачном пире (Мф 22:8).

Не желающих приступать к причащению по причине своей недостойности хочется спросить: были ли готовы к этому апостолы на Тайной Вечери?

И не к “пастырям” ли, препятствующим причащению верующим, обращены слова Христа (Лк 11:53):

– Горе и вам, учителя Закона!
Вы присвоили себе ключи от знания
и сами не вошли,
и тех, кто хочет войти, не впустили.

И не к воздвигающим ли непомерные требования многочасовых приуготовительных молитв и продолжительного поста, обращается Спаситель (Лк 11:46):

– Горе и вам, учителя Закона!
Вы взваливайте на людей непосильную ношу,
а сами и палец о палец не ударите, чтобы помочь им!
В книге пророка Осии (4:9) читаем:
“И что будет с народом, то и со священником;
и накажу его по путям его,
и воздам ему по делам его”.

Вспомним и о том, что святое причастие на Тайной вечери Господь преподавал *после* ужина, т.е. позднейшие установления о причащении натошак и посте, по-видимому, носят, все же, характер добровольных, а не обязательных жертв.

Складывается парадоксальная ситуация: такое впечатление, что священник не слышит собственных уст, провозглашая в Алтаре: “Приимите, ядите, сие есть Тело Мое...пиите от нея все,...”, ибо когда прихожанин, поверив этим словам, подходит, его без объяснения причин может лишить святого причастия. Тут явная ложь, а отец лжи – Дьявол. Неужели священник служит Дьяволу? Очень напоминает детей, дававших проглотить голодной Каштанке кусочек сала на ниточке, а потом выдергивавших его. “... Таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим” (Мф 15:6-9).

В Ветхом завете (Лев 10:16-17) также есть косвенное указание на обязательность принятия Таинства: “... И разгневался (Моисей) на Елеазара и Ифамара, оставшихся сынов Аароновых, и сказал: почему вы не ели жертвы за грех на святом месте? Ибо она святыня великая...”

И все же, видимо, существует ситуация, когда к Святой Чаше подходить опасно. В Учении Двенадцати Апостолов (Учебно-информационный екуменический центр ап. Павла: 1996) читаем (10:6):

“Если кто свят, пусть подходит,
А если нет, пусть кается;”...

В комментарии игумена Иннокентия Павлова разъясняется: “Данный призыв должен рассматриваться в связи со сказанным в гл. 14 *Учения*, где говорится об евхаристическом собрании в день Господень. В качестве нарушения того состояния святости, т.е. посвящённости Богу, которая требуется от членов церкви, дабы их жертва была чистой (14,1) там рассматривается разлад между отдельными из них (14,2), т.е. отсутствие духа любви между ними, что

и воспринимается первохристианским церковным сознанием как грех, который препятствует общению и в котором необходимо каяться”. В этой связи приведем 14:1-2: “А в день Господень, собравшись вместе, преломите хлеб и поблагодарите, исповедав прежде свои грехопадения, дабы ваша жертва была чистой. Каждый же, находящийся в разладе со своим другом, да не присоединяется к вам до тех пор, пока они не примирятся, чтобы вашей жертве не быть оскверненной”. Комментарий игумена Иннокентия: “Евхаристическое собрание в день Господень являлось центральным событием, переживаемым церковью. Очевидно, что *Учение* является первым по времени своего появления первохристианским памятником, где упоминается об этом первом и долгие годы единственным церковным празднике, а также о нравственных условиях его проведения.

День Господень – день, следовавший за субботой, когда церковь вспоминала Воскресение Господа Иисуса. В этот день церкви полагалось, *собравшись вместе, преломить хлеб и поблагодарить*, т.е. совершить евхаристию об Его искупительной смерти, воскресении и предстоящем Втором Пришествии (Лк 22:19-20; 1Кор 11:23-26) теми словами, которые приводятся в гл. 9-10.

Основной темой данного пассажа является нравственная подготовка к участию в евхаристии, почему и говорится, что *прежде следует исповедывать свои грехопадения, дабы чистой была приносимая жертва*, имея ввиду бескровную жертву тела и крови Христовых.

Чистота приносимой жертвы, в связи с чем приводится цитата из Мал 1:11,14, в которой данное требование объясняется тем, что *Господь Бог есть Великий Царь, Чьё имя дивно у народов*, состоит в отношениях любви, которая должна быть между всеми членами данной поместной церкви. Именно разлад между кем-нибудь из них делает эту жертву *оскверненной*. Поэтому находящиеся в разладе между собой обязательно должны примириться, чтобы быть допущенными к участию в общей евхаристической молитве. Собственно, это нарушение отношений любви и мира между собой и есть, прежде всего, то грехопадение, в котором следует исповедоваться и в котором приносить раскаяние”. В этой связи приведем слова нагорной проповеди (Мф 5:23-24): “Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой”.

Высказывался по этому вопросу и Святейший Патриарх Алексий II. Он запретил препятствовать причащению прихожан за исключением случаев исповедания ими тяжких смертных грехов, таких как убийство или воровство.

Прообраз Евхаристии – умножение хлебов (см., напр., Мк 6:41). Представьте себе, что Господь, “возрев на небо, благословил и преломил хлебы и раздал ученикам Своим”, а те, вместо того, чтобы напитать голодных, едят сами, а народу не дают, или дают только своим любимчикам, оставляя приступающих мучиться конвульсиями, как мне неоднократно

приходилось стоять втуне с открытым ртом у Святой Чаши. Иногда при этом на голову обрушивался и поток раздраженной брани. В результате день, “его же сотворил Господь”, вместо радостного, становился совсем не таковым.

Продолжим цитирование.

[4], с.15: “Даже самый наглядный и, по всей вероятности, самый печальный результат этого нового “благочестия” – фактическое отлучение мирян от причастия, переставшего вытекать из их участия в Литургии и потом ставшим для них чем-то исключительным, – не смогло ничего против прямого свидетельства самого евхаристического чина: “...нас же *всех*, от единого Хлеба и Чаши причащающихся...”, “Со страхом Божиим и верою приступите...” и т.д. Все это тексты, призывы, слова, относящиеся, без сомнения, ко всему собранию, а не к отдельным и единичным его участникам”.

[4], с.103: “В творениях св. Григория Двоеслова упоминается и такой возглас дьякона: “Кто не причащается, да покинет собрание”.

[4], с.240: “Наконец, последнее, что нужно сказать об этих редукциях, это то, что привели они, и в богословии, и в самой литургической жизни Церкви, к почти полному отрыву одного от другого, учения об Евхаристии как *жертве* и учения о ней как о таинстве *причащения*. В нашем школьном богословии два эти учения как бы просто сосуществуют, но без внутренней связи между собою. Что же касается нашей богослужбной практики, несомненно отражающей богословие, то в ней Евхаристия-жертва и Евхаристия-причащение воспринимаются в двух совершенно разных ключах. Так, например, в Евхаристии-жертве – как учат верующих и богословы, и пастыри, и даже наставники “духовной жизни” – можно, а выходит так, что даже и должно участвовать не причащаясь: присутствием, молитвой, принесением просфоры, принятием антидора, или даже просто “заказав” одну или несколько литургий... Можно же потому, что в сознании и благочестии церковных людей причащение давно уже не связано с Евхаристией как жертвой, подчинено совсем иному закону – закону индивидуальных “духовных нужд”: освящения, помощи, утешения и т.д. и, соответственно с этим, вопросу о личной “подготовленности” или “неподготовленности”.

Все эти редукции, повторяю, начало свое имеют и укоренены в том богословии, в той литургической науке, которые в основу своего изучения и истолкования Евхаристии кладут не *lex orandi*, не закон церковной молитвы во всей его целостности, в соподчинении в нем всех составляющих евхаристическое священнодействие частей, а, напротив, расчленение ее при помощи априорных, то есть вне самой Евхаристии, вне ее “самосвидетельства”, найденных критериев.”

[4], с.263: “Для православных основой толкования Евхаристии навеки остаются слова св. Иринея Лионского: “Наше учение согласно с Евхаристией, а Евхаристия, в свою очередь, подтверждает наше учение”. (Adv. Haer. IV,18). Все, что касается Евхаристии – касается Церкви, все, что касается Церкви – касается Евхаристии и этой взаимосвязью *испытывается*.”

Между тем, именно эта изначальная взаимосвязанность оказалась как бы *разорванной* распространением нового понимания таинств, вошедшего в Церковь после обрыва отеческой традиции. В этом учении Евхаристия, воспринимавшаяся в древней Церкви как таинство единства, таинство восхождения Церкви и исполнения ее за трапезой Господней в Его Царстве, – стала восприниматься и определяться *как одно* из средств освящения верующих. Яснее всего это видно в превращении *причащения* из акта церковного, соборного, из исполнения нами нашего членства в Церкви, теле Христовом, – в личный акт благочестия, и для мирян при этом акт исключительный, регулируемый не Церковью, а личным благочестием и “выбором” самого причастника.

На Литургии мы продолжаем молиться:

нас же всех от единого хлеба и чаши приобщающихся –
соедини друг ко другу во единого Духа причастие...

Но в чем состоит – на наших Литургиях без причастников – это единство? Мы молимся и в начале, и в конце Литургии: “Полноту Церкви Твоя сохрани”, – но о какой полноте идет речь? И что при этом подходе могут означать обращенные к нам слова апостола Петра: “Вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет”? (1 Петра 2,9).

Я не буду повторять здесь всего, уже сказанного выше, о других последствиях для Церкви этой метаморфозы Евхаристии и ее восприятия. Сказанного достаточно, я думаю, чтобы понять, что мы имеем дело здесь с ущерблением и, потому, искажением литургического предания Церкви, его *Lex orandi*. И, следовательно, в чем нуждаемся мы больше всего – в возврате к этому преданию, к восстановлению его подлинной перспективы и сущности.”

[4], с.296: “И не может быть никакого сомнения, что в духовности раннего христианства общее усиляет личное, а личное невозможно без общего. И, однако, между тогдашним восприятием как личного, так и общего и теперешним существует большая разница. Апостол Павел обличает верующих, которые недостойно причащаются, грозит им осуждением. Он зовет их испытывать себя. Но вот никогда, ни разу он не предлагает им *выбора*: “Вы, достойные, причащайтесь, а вы, недостойные, воздерживайтесь”. Выбора, который мало-помалу привел к воздержанию чуть ли не большинства членов Церкви и к утере чувства и восприятия Евхаристии как общего дела, как *литургии*. Да и само чувство воздержания как бы иссякло, выдохлось, превратилось в своего рода дисциплинарное предписание (“четыре раза в год”!), с обязательной исповедью, как своего рода билетом на причастие.

Ранняя Церковь знала, что никто во всем творении *не достоин* своими духовными подвигами, своим “достоинством” приобщаться Телу и Крови Христовым, и что поэтому приготовление состоит не в подсчитывании и анализе своей “подготовленности” и “неподготовленности”, а в ответе любви

на любовь – “да и мы со всеми святыми, от века Тебе благоугодившими, будем причастницы вечных твоих благ, ихже уготовал еси любящим Тя, Господи...”. На возглас предстоятеля: “Свят Господь Бог наш!” – Церковь отвечала: “Един свят, один Господь, Иисус Христос, во славу Бога и Отца. Аминь”. Но, утверждая, провозглашая это исповедание, знала, что всем открыты врата в “вождевленное отечество” и что “не будет разлучения, о други!””.

[5], с.30: “... принятие святого причастия исихастом должно быть, ни много ни мало, “непрерывным”, и под этим они подразумевают *ежедневное* причастие. Они с одобрением цитируют св. Василия Великого: “Прекрасный и благотворный обычай причащаться каждый день””.

[6]: “В приюте была молельня, где хранились Святые Дары. Гиацинта чрезвычайно обрадовалась тому, что оказалась под одним кровом с незримым Иисусом. Но еще более счастлива она была потому, что теперь ежедневно могла принимать Иисуса в свое сердце”.

Ежедневно причащался и преподобный Кукша Одесский [7].

Бог призывает нас в Свое Царство как детей. И при этом бесконечно нам доверяет. Через Евангелие Христос открывает Свои страдания, страдания Своей Пречистой Матери у Креста и учеников. И в этой открытости Бога так легко обидеть. Оскорбить отказом от Святых Даров.

Литература

1. Книга правил святых Апостол, святых Соборов вселенских и поместных и святых отец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1992.
2. *Письма апостола Павла*. М.:1998. Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем. Фонд Александра Меня. Изд. 2-е, исправленное.
3. Иван Дмитриевский. *Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии*. С.-П. 1884. Репр. Изд. 1997. Изд группа Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского женского монастыря.
4. Протопресвитер А.Шмеман. *Евхаристия Таинство Царства*. М. 1992.
5. Епископ Диоклийский Каллист. Руководство по исихастской молитве XIV века: “Сотница” св. Каллиста и св. Игнатия Ксанфопулов. *Страницы. Журнал Библейско-богословского института св. апостола Андрея*. 3:1. С. 11-31. 1998.
6. Ичилио Феличи. *Знамение свыше. Рассказ о Фатиме*. Варшава 1992. С.121.
7. Житие и чудеса преподобного Кукши Одесского. Свято-Успенский мужской монастырь. Одесса 2000. С.43.